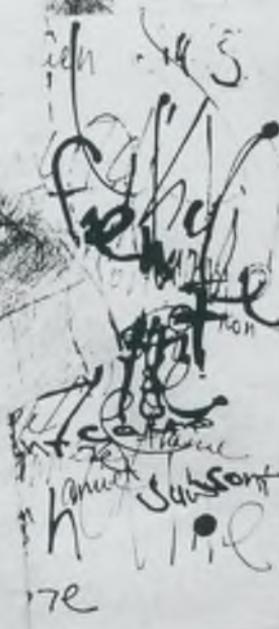

Кирсанов

до

Кирсанова

Кирсанов

до

Кирсанова

С клюкою, на север, на север мы
Бредем, подбираем поля,
По млечным дорогам нас семеро
Великих слепых бюджетлян.

Семен Кирсанов(1906 – 1972)

Кирсанов до Кирсанова. Одесса “Зодиак”, 2007, 172 с., илл.

Тираж 100 экз. Экземпляр № 3 Artbook.

Настоящее издание является первой публикацией стихов Семена Кирсанова, написанных им в Одессе с 1916 (ему было 10 лет!) до 1922 года. Бережно сохраненные тетради стихов, подготовленные тогда им к печати, не увидели свет до сегодняшнего дня. Конечно, это опыты начинающего стихотворца, но они дают представление, как рос, учился писать стихи поэт. Все рукописи хранятся в Одесском литературном музее.

В оформлении сборника (обложка, страницы 14, 28, 60, 74, 96, 132, 154) использована графика одесской художницы Светланы Юсим, чье творчество созвучно футуристическим поискам Семена Кирсанова и рисунки поэта, сопровождающие текст в тетрадях стихов.

Составители Алена Яворская и Евгений Голубовский.

Автор предисловия Евгений Голубовский

Издание Всемирного клуба одесситов
и Одесского литературного музея.

Kuznetsov

поэзия до Поэзии

Одесса всегда любила и ценила своих писателей. Нет смысла перечислять всех, кто навсегда остался в благодарной памяти одесситов.

Конечно, народная молва создавала свой “табель о рангах”. И, безусловно, Эдуард Багрицкий считался, а, может, и считается самым “одесским” поэтом.

А Семен Кирсанов? Тут задачка посложнее. Он не был поэтом одесской вольницы, не был поэтом Одессы. И все же... Именно ему принадлежат стихи, ставшие не только популярной песней, но и своеобразным гимном нашего города...

Короткое отступление. То, что дорого одесситам, совсем не обязательно должно быть дорого всем остальным. В 2006 году — у 100-летию со дня рождения Семена Кирсанова — в Большой серии Библиотеки поэта вышел объемом в 800 страниц том его стихов. В этот том не было включено стихотворение “У Черного моря”. Может, и правильно поступил составитель тома, выбирая лучшее из хорошего, но для нас, одесситов, без этого стихотворения-песни трудно представить Кирсанова.

Есть город, который я вижу во сне.
О, если б вы знали, как дорог
У Черного моря открывшийся мне
В цветущих акациях город
У Черного моря!

Есть море, в котором я плыл и тонул,
На берег был вытащен, к счастью,
Есть воздух, который я в детстве вдохнул,
И вдоволь не мог надышаться
У Черного моря!

Вовек не забуду бульвар и маяк,
Огни пароходов живые,
Скамейку где мы, дорогая моя,
В глаза посмотрели впервые
У Черного моря!

Родная земля, где мой друг — одессит
Лежал, обжигаемый боем.
Недаром венки ему Родиной свит,
И назван мой город героем
У Черного моря!

А жизнь остается прекрасной всегда,
Хоть старишься ты или молод,
Но каждой весной так тянет меня
В Одессу - мой солнечный город,
У Черного Моря.

Семен Кирсанов, тогда еще Сёма Кортчик родился 18 сентября 1906 года. Отец его был преуспевающим модельером дамской одежды. Неизвестно, каким родители представляли будущее сына, но с 8 лет мальчик начал писать стихи. В 1914 году он поступает во Вторую одесскую классическую гимназию, затем на филологический факультет Одесского института народного образования. Увлеченно читает современную поэзию, особенно стихи футуристов, видит себя в семье будетлян, о чем в 1922 году при знакомстве рассказывает Владимиру Маяковскому.

Еще до этого, в 1920 году, Кортчик, взявший себе псевдоним Кирсанов, вступил в одесский «Коллектив поэтов», в который тогда входили Э.Багрицкий, Ю.Олеша, В.Катаев, В.Инбер, И.Ильф... Четырнадцатилетнего вундеркинда, которого на вечера приводила мама, одесская богема встретила насмешливо.. Но это не остановило Кирсанова. Он продолжал писать замысловатые стихи, резко отличающиеся от того, чем занималась вся «одесская школа».. Впрочем, Багрицкий, кажется, знавший наизусть всю современную поэзию, не допустил, чтобы юного Сёму выгнали из «Коллектива поэтов».

При создании Одесского Литературного музея вдова С.И.Кирсанова передала музейщицам

Н.Городецкой и М.Лошак чемодан с ранними, неопубликованными стихами мужа.

Удивительно, что с десяти лет мальчик составлял будущие сборники своих стихов, оформлял их отдельными «тетрадами», давая некоторым точные названия. Это и дало возможность сейчас, разобрав фантастически трудный почерк поэта, показать, как формировался его стиль, как он достиг того, что выдающийся русский стиховед М.Гаспаров в своей последней предсмертной статье, готовя ее для «Библиотеки поэта», назвал ясно и гордо : «Семен Кирсанов — знаменосец советского формализма!»

Да, не ошибся в 1922 году Владимир Маяковский. В 1924 году он опубликовал в «ЛЕФе» стихи молодого одесского поэта, способствовал его переезду в Москву, не раз выходил с ним вместе на сцену и громко представлял юношу — слово представляется товарищу Кирсанову! Кстати, именно так назвал одну из своих самых известных книг Семен Кирсанов в 1930 году.

Но вернемся в Одессу, в 1916 год. О чем думает, что пишет десятилетний мальчик? Как видно, слыша разговоры родителей о еврейских погромах, о сионизме, о Палестине, по сути, первые стихи (как, кстати, и Самуил Маршак почти в таком

же возрасте) он посвящает возможности создания еврейского государства. Маршак назвал этот свой юношеский цикл «Сиониды». Кирсанов не нашел названия своему циклу, но термин «сиониды» здесь очень уместен.

Эта тема обрывается через два-три года. Ей на смену приходит желание ввести в современную речь старославянские слова, понятия, темы. И отсюда — прыжок в поиски новых словообразований, в поэтику словотворчества.

Конечно, это еще поэзия до Поэзии. И поэтому в первую свою книгу «Опыты», вышедшую в 1927 году, Кирсанов не включил ни одно из этих стихотворений — опытов до опытов.

Тетрадки в чемодане Литмузея заканчиваются 1922 годом, когда поэту исполнилось 16 лет. Сегодня Кирсанов начинается для всех со стихотворения 1923 года

Скоро в снег побегут струйки,
Скоро будут поля в хлебе.
Не хочу я синицу в руки,
А хочу журавля в небе.

Отношение к творчеству Семена Кирсанова в советскую эпоху было неоднозначным. С одной стороны — продолжатель традиций Маяковского, с другой — безудержный формалист. Неоднократ-

но печаталась эпиграмма: «У Кирсанова три качества — трюкачество, трюкачество и трюкачество». При этом как бы не замечали, что главным качеством поэта была подлинная талантливость, великолепное чувство слова, ритма, умение создавать изобразительную поэзию.

Его все эти годы поддерживал Николай Асеев, как и все эти годы не любил Михаил Исаковский. Даже такой далекий от футуризма поэт как Осип Мандельштам с большим интересом читал и слушал словообразования Кирсанова. Кстати, Семен Исакович был одним из немногих, кто в ссылку, в лагерь, передавал опальному Мандельштаму пищу, деньги, одежду. Так что, цитата из Александра Галича о гавайской гитаре, игравшей за стеной в квартире Кирсанова, когда шел обыск у Мандельштама, требует, возможно, более глубокого осмысления...

У Кирсанова раз в два-три года выходили книги, которые дружно ругала критика, но взапой читали молодые поэты. Тем более, что в последнее десятилетие он написал немало блистательных трагических стихов, оставаясь при этом виртуозом словесной скульптуры.

Как относится поколение шестидесятников к Семену Кирсанову? Мы знаем пронзительное сти-

хотворение Андрея Вознесенского, посвященное памяти Кирсанова. Евгений Евтушенко в антологию «Строфы века» включил не только лучшие, на его взгляд, стихи поэта, но и присовокупил к этому свое признание в любви, рассказал, что именно Кирсанов дал ему рекомендацию в Союз писателей.

А в августе 2007 года я читал роман Василия Аксенова «Редкие земли». Роман совсем не о поэзии и не о поэтах. И тем не менее в этом удивительно построенном, по-юношески молодом, романе я вдруг обнаружил страницу, посвященную Семену Кирсанову. Причем документально точную.

«Недавно я бродил в русском Интернете и случайно натолкнулся на текст В.В.Бакакина под заголовком «Антология химических элементов, или СТИХОХИМИЯ». Автор пытается придать РЗЭ некий филологический контекст. Честно говоря, я просто обалдел от этого текста. Там цитируются стихи поэта Семена Кирсанова; знаешь такого поэта? Нет? Значит, ты в своей английской школе все же получил малость однобокое образование. Однажды этот замечательный поэт натолкнулся в словаре на слово «неодим»; оно озарило его своей редкостью, полнейшей необычностью. Он начал

экспериментировать с приставкой «нео». Бакакин приводит там слова поэта, слушай!

“...так с корабля открыватель земель увидел и остров Борнео. И мне захотелось, чтоб мир начинался на «нео»: неомир, неодень, неожизнь! Неолит — со следами костей и улиток, неофит — от пещерных камней до калиток. Неосвет, неодим, неомир!! Пусть он будет всегда неоткрытым, необычным и необжитым. О, мое новое «Нео»! Мое озаренье мгновенное — небо необыкновенное! Так у речи на дне мне, как капитану Немо, открылись подробности слов и их необъятнейшие возможности...»

Теперь смотри, Ник: поэт напрямую выходит в новом стихе на редкие земли:

Воображение
Мне нашептало:
Здесь — цель разведки!
Крупинки серые
ЛАНТАНА,
ЦЕРИЯ...
Названья
Странные
Металлов
Редких —

ЛЮТЕЦИЙ,
СТРОНЦИЙ...

Слова,
Звучащие
Подземно,
Давно
И мысль
Кипящая
Меня ошпарила
Радиоактивность!
Ь!

Это было в 50-х. Поэта поразила редкость этих металлов, вообще слово «редкость». В массовом большевистском обществе это слово ошеломляло и вдохновляло, ты понял?...».

Прошу прощения у читателя за эту большую выдержку из романа. Но это сегодняшняя оценка Кирсанова. А в этой книге собран ранний Кирсанов, иногда еще Кортчик, лишь лет в 12 он окончательно выбрал псевдоним, долго в тетрадях учился по-новому расписываться. Думаю, что те, кто любит русскую поэзию, и в этих детско-юношеских тетрадках найдут тонкие образы, точные строки, а главное, поймут, как труден путь к высокой поэзии.

Эта книга издана Всемирным клубом одеситов как продолжение знакомства с забытыми,

неопубликованными текстами писателей, вышедших из Одессы. Эта книга издана и Одесским Литературным музеем, где хранятся эти бесценные рукописи. Кстати, Алена Яворская, замдиректора музея выполнила невероятно сложную задачу — разобрала почерк юного поэта, набрала на компьютере стихи из старых тетрадок, за что ей огромная благодарность от всех будущих читателей.

Итак, перед вами стихи. Итог ученичества. Но уже и начало настоящей поэзии.

Евгений Голубовский

non sitasien

partir

garding

bleu font

noir

color

tree

bleu

grand

bleu

grand

grand

grand

grand

font

font

ТЕТРАДЬ 1

Крепко держите вы знамя Свободы,
Не отдавайте врагам.
Знайте: почти против нас все народы
Но Бог наш великий поможет всем нам.
Жестоко, как камни, как звери, как змеи
Те люди завистливо смотрят на нас.
Спасаем отчизну – они же злодеи
Хотят наше дело сорвать все за раз!
Им страшно смотреть, как все мы оживаем,
Им страшно, что будет Израиль опять,
Им страшно, что счастья мы ожидаем,
Что счастья не будем теперь тщетно ждать!
Им страшно, что все преступленья над нами
Откроются в мире во всей наготе,
Что знают и видят своими глазами
Они не исчезнут в мирской суете.
Крепко держите же знамя свободы,
Пред нами бессильны и слабы преграды,
Бессильна и сила пред верой народа,
Спасти коль нам родину надо!

Начало 1918

Бродяга

Хожу по деревням и селам,
Местечкам, большим городам,
Не слышал я и доброго слова
Из уст всех людей, никогда!
Всегда раздается единое слово:
«Пошел ты, бродяга, от нас!»
— И я покоряюсь, — оно мне не ново,
Его мне пришлось слышать уж не раз...
И всегда, как всегда, лезет мысль одна
В мой усталый задумчивый лоб:
«Есть дорога одна, если трудна,
Та дорога ведет — прямо в гроб!
Промотал я свое
Все наследство отца,
Горя не вынес — запил.
Водка, винце.
Смерти я жду, жду не дождусь
Жду изо дня я во день,
Обошел уже всю Русь —
Уже ждать стало лень.

1917 лето

На восстановление Палестины

1

Сколько лет ужасной муки
Уж прошло с тех пор как раз
Сделав жертвами разлуки
Разбросал нас чуждый глас?
И под пыткой инквизиций
Под гонением всех рас
Изнывал народ великий
Так под игом жестких масс!
На виселицах высоких
На ужаснейших кострах
Гибли мы и к нам вселили
Ненависть, но все ж не страх!
Некультурные народы
С зверской ненавистью, нам
Страшно мстили, так шли годы
Нас считали все за «хлам!»

Но настал уж день желанный
В плоть и кровь уж облеченный
Кто то новый к нам пришел.
Это не был призрак страшный,
Нет, то вестник счастья был,
Весть свободы Иудеи
Этот первый нам открыл!
Им возстание свершилось
Или Божья кара
Уж на турок обрушилась?
Нет, Британией великой,
Также волей Короля
Будет дана иудеям
Иудейская земля!
И согласиём пусть вечным
Будет связана страна,
Пусть прославиться по миру
И возвыситься она!

1918

Зачем народ
Бежит вперед
И музыка гремит.
А за толпой
Солдатов рой
Оружием блестит.
Их миллион,
Все за Сион
Поднялися на бой.
Трепещет флаг
Свободы стяг
Их бело-голубой!

Начало 1918

Какая чепуха!

Писать стихи такая скука!
Марать бесцельно что-нибудь.
Ах, Боже, боже, что за мука
Бросать остроты прямо в грудь!
Не лучше ли, не лучше ль бросить
Строки дурацкой стиха,
Людей престать уже поносить,
Ведь это просто чепуха!

1917

Бульвар

Ярко светит солнце с неба
Луч прекрасный шля в бульвар
Сидя в нем я повергаюсь
В упоительный угар:
Синим цветом блещет море
В нем шныряют корабли,
Пароходы флаги гордо
Ввысь, до неба вознесли.
Предо мною величаво
Дюк де каменный стоит
И народ живая лава
С удивлением глядит.

Начало 1918

Смешно, как будто жизнь дана
Лишь для веселый развлечений,
И что же, вся для них страна
Есть только смеха глупый гений.
А наказание для них
Есть лишь отказ в увеселеньи
И он ужасен для других
Как смерть сама иль как плененье
А я беспечен и весел
Без вечеринок, вечеров,
Я одинаков и средь сел,
И средь балов!

1916

Будто бы смерть впереди надвигается
Моей жизни счастливой конец,
Полно, зачем же душа ужасается
После я буду как будто мертвец.
Всеми заброшен я, брошен с презрением
Честное слово забыто везде,
И вот уж теперь говорят с удивлением:
Хуже тебя не видали нигде.
Простите, друзья, и простите все люди,
Больше никто не услышит порой
Слово упрека – о нем позабудьте
Смейтесь над бедной моею судьбой!

1917

Тост I

(подражание кому-то)

Возьмите бокалы
Налейте вино
Шампанского, дано
Веселью оно.
Да здравствует Муза,
За Музу я пью,
И сладкого груза
Я снова налью.
И вновь вы стаканы
Возьмите опять,
Уходить еще рано,
Кипучего дать!
Пошли ты нам Боже
Счастья для всех
Шампанского тоже
Ведь это не грех
Схватите бокалы,
Налейте вино
И вновь осушите
Все звонкое дно!

1917

Тост II

Друзья, дорогие,
Наливаю чашу,
Хоть скромна, весела
Ведь пирушка полна.
Влагою веселит
Будем наслаждаться,
Вдоволь веселиться
Без умолку смеяться
Друзья дорогие.
Выпиваю чашу
За вино за Музу
И за Младость нашу.
Вино своею силой
Всю грусть отгоняет
Муза своей песнью
Все животворяет.
Молодость хоть минута
Но минута счастья
Будем ж веселиться
Смело ждать ненастья.
Проведем же младость
Мы под песни Музы
За вина бокалом
Сбросив грусти узы!

1917(1918)

Лилии

Белоснежные лилии и прекрасные
Наклонились гордо короной ко мне
И ея лепестки нежно милые
Чудны как будто во сне.
Сладостный запах оне испускают,
В душу заходит он мне.
Им усыплена душа усыпает
Забывши о солнечном дне.
Лилии милые! Лилии белые
Жаждете солнца, не любите тьмы,
Будто корона лепестки ее светлые
Блещут внимая солнцу одному.
Внемлите о люди, внемлите покорно.
Будьте так же чисты, как лилия горна.
И любите солнце жизнь и благочестье
Презирайте тьму и чуждайтесь мести.

ТЕТРАДЬ 2

Огонь

Огонь. Огонь кормилец мира,
Друг человека, враг его.
Огонь, огонь, ты вдохновляешь лиру
И ... поет и для сего
Ты человеку в жизни зло приносишь,
А так же пользу ты ему даешь.
Ты дом в минуту сжечь захочешь
И пищу варишь день и ночь.
В Сионе с Богом ты явился
Пред Моисеем на горе.

Вечером

Разломались синие иглы
Запестрели в окне альбатросы,
Невидимые тучи поникли
...Невидимые смертные косы...

Потолок придавил паутину,
Омертвечились серые окна,
На стене оскалились картины,
И смотрели на окна жестоко...

Отчего-то все ставни закрыли,
И поставили мне маслянку,
Бедный воздух... Его задушили
И втиснули в эту маслянку!!!

Октябрь 1919

Почернелые зигзаги остроклинного треугольника
Обрамляли бледно-желтые земляные насыпи,
Двухсторонние листья качались на роликах,
И гнездились в молчании изумленными массами...

Темно-серые трольды заползали испуганно
В долгостонные, тихие колокольные звгоны
Колесили отзвучия невидимыми плугами
И сметали случайные невидимые препоны

Октябрь 1919

Оранжевое небо на темном горизонте
Взрывало пирамиды обледенелых туч
И на распущенном небесном зонте
Бродили кучи серых круч.

Эйфелевы башни небосерой пашни
Колосили землю вертким рычагом
Остывали в комки розовые кашки,
И катился к плугу отвердевший ком.

Арлекины крика стебельных кинжалов
Оцепляли солнце и лучи глотали,
Испугалось солнце выдвинуло жала
И послало жалобу в Ганг – богине Кали.

А когда на небе скрылися рубины,
И на утро солнце небо облепило,
На том месте где играли арлекины,
Распростерлись яркие кровавые крылья.

Октябрь

Будущее

Небо изрыгало холодные струи,
Окрасило деревья в краснобурый цвет,
Бледный и таинственно-гордый херувим
Закатывал завесу вдаль грядущих лет...

Темная завеса открыта на минуту,
Будущее Будущее, я вижу Его
Старые гнилые разорванные путы,
Разрезали грани сцепленья своего.

Херувим оскалил зубы непонятно,
Не как Ангел Бога, а как Демон Зла
Завертел глазами заворчал невнятно
Завертел глазами и сгорел до тла...

Черные запястья солнце просверлило
Обрамленные красным деревья поднялись
Солнце у Грядущего лампаду затеплило
И углы завесы заревом зажглись ...
.....Грядущее
И обрывки знамени пламенем взлетели.

январь 1920

ТЕТРАДЬ 4

Вельзевул

I

В сердце проклятия плачут
В сердце проклятия стонут
Мрачные мысли скачут
Душу куда-то гонят.

Куда никому не известно
Зачем я сам не знаю
Я знаю пред мною бездна
А в бездне духи летают

Когда песни «кому-то вторят
Когда мниться «неискренни» песни
Почему же в душе гуторит
Так скорей бросайся в бездну...

Неужели нет спасенья
Неужели вечны страданья
.....
Неужели все подражанье

II

Зеленые, жженные солнца
Яснеют на железных тучах
Сверкают на лампах червонцы
— Скажите, зачем меня мучить...
— Посмотрите какая ж зала
Описать не найдете слова
Посмотрите в этих бокалах
Чем вино не лучше крови...
— Оставьте меня, не мучьте
Лабиринт еще не кончен
Я знаю, лучше, лучше
Нет в мире вас жесточе...

— Посмотрите сколько золота,
Посмотрите, все это ваше
Посмотрите как они молоды
Но они давно апаши...

ТЕТРАДЬ 5

Рукою скалистой из вихристого Хаоса
Я вырвал новый, неведомый мир!
И в обрывках небесного округленного паруса
Высучились дифирамбы Солнцегранных секир.

На кончике острого изумрудного обелиска
Закрученным канатиком Я буду вращать его
Укреплю его у подножия солнечного диска
Привинтив к обелиску железное стативо...

Как это весело созерцать новоявленное светило
Вырванное из бездны своей собственной рукою
Посмотрите как надулись посинелые жилы
Похожие на золото под серебряною водою!

.....
.....
.....

Скажите? Если Я ударю по левой руке секирой
То польются капли огненно-красного чернила?
Я их смешаю с обломками устарелого мира,
И сожгу свою руку на преддверии астрального горнила...

Я вырву крылья у тяжелого ястреба,
И прибью гвоздями к своим дерзким плечам.
Я усыплю свой путь помертвелыми астрами
Я умертвлю Человечество неистово крича.

Я исковеркаю личину несуществующего бога
Обращу ее в пропасть заросшую крапивой
И возсяду на троне у края Вселенской Дороги
И вскопаю ногами небесные нивы...

9 августа 1919

ТЕТРАДЬ 6

Без

Строки зеленого вихря...
В строках зеленого вихря
Брызгли зеленые тени,
Тени зеленых исчадий.
Серая шапка поднебья,
Шапка гнилого поднебья,
Жила на сиреновом платье
Звекла остывшей сирени.
Взвон телеграфных надкожий,
Взвел коромысла надкожий,
Взвысился в зелень деревьев
Вздорным ржавеющим шпиром...
Вбег предосенья всклокочен,
Синим внезапно всклокочен...
.....
Кто-то увидел сквозь ночи
Очи осенней Царицы.

27 августа

Багряницею ломкой соломки
Пригвожденной к укатам дождей,
Скомкал в буро-молочные комки
Я обломки зеленой межи...

На дерзанья заботливой стыжи
Озаряли прилиженный вскок,
А хотелось одрожить прилижем
Очертаний искрещенных ног

...На закатном побережье протелить
Покосил многостадия Велес,
И какой про злобный поранил
Без того уж кровавую челюсть.

28 авг. 20 г.

Ватра

Жутые путы ватры
Окутал синий комок.
Призрак далекой жатвы
Завелил устрашьем Гоморр.

Черный, огромный варош
Падал на руки ночи,
В синем волнистом угаре
Сныли безкучие кочи.

Мрачные, темные скалы
Звали в оджалые думы,
И сердце, как ветер рвало
Умчаться в червоную шуму!..

1 сентября 1920

Соборная площадь

На зеленом небесном озере
Поседелая, долгая церковь,
Поднимает злаченными ризами
Крестов заповедных веки.

Будто в пляске безумного шамана
Засыпают деревьев закаты
И сгибает гранитные латы
Неизменный, обтесанный памятник.

Солнце в светло червоном шеломе
Изумрудит цементные плиты,
И блестящую сетью покрытый
Стынет белый подножий обломок.

6 сентября 1920

У окна

Черное, круглое дерево
В зове безумных звезд,
В дали усталого севера
Брызжет фонтаном полос.
Угрюмые дуремы полночья
Настежь открытые всем,
Жуты фонарных ключьев
Роют уружный плен.
Строгий, жилистый мрамор
Плетет безразличность гирлянд,
Из черных проколотых рамок
Глядит черновласый гигант ...
На восточном, зарделись приземьи
Округлости облачных гор,
И бросил багряные тени
От сна пробудившийся Хорос...

9 сентября 20 г.

Якорь мрака

Вылетел в окошко перекрестный диск,
Выкурил сигару посинелый мрак,
На карнизе взлета мертвенная равея
Взвякивала к выси обветренный якорь.

Закачались вихри... Вихри или взгорень?
Или свет уклонный на луну кивнул
Или высини мрака обожженный корень
Закрутил в объятья черный якорь-кнут.

... И вцепился в щеку и вцепился в руку
Сечень, отрубив в закручь опалых ягод,
Высверлил из небрья почернелый стукон,
И взвинтил холодный, трехколенный якорь.

25 августа

Человеку!

Каменные пирамиды, огромной лапой,
Вырвал – закопал фундаментом ввысь,
Из бесчисленных ран что-то красное закапало,
Расбросалась обрывками буроватая слизь...

Что то железное, громадное, щупальцами
Царапало оголенный череп земли,
Что то многогранное серыми уступами
Катилось испуская окровавленный крик...

Загребай сильнее, халаружная лопасть!
Загребай, Победитель – Железный Век,
Загребай перед грозной невидимой пропастью
Вскопанною мною для тебя, Человек!

31 августа 20

На Воскресение Мое

Черные пальцы восьмигранных часов
Указывали неумолимо на 12,
Тысячелетний, незыблемый стальной засов
Начал с ворот спускаться.

Кто то Великий, преуготованный Собой
Возродился вновь для битвы,
Позабытые боги, с Архангельской Трубой
Преклонились пред Ним- Великим.

Он – Великий, с огневым челом,
Прыгнул в запьястья миров,
Опрокинул землю на солнечный уклон
Опал под небесный покров!

Вздел в десницу Млечный Путь,
Взмахнул, опрокинул все,
В темном, бесцветном небесном рву
Брызгнул сапфиром рос!

ТЕТРАДЬ 7

Сень

Вил на вилы сень небес,
Лез
Облокачиваясь
Джонглый затлен
На канате с неба до земли
Громогомные заизали камни
Ваами же ваами
Все! –
Прошли на восход миров!
Черные рты домов
Ты увидал: глотли!
Бейте кровавые рты
Сень нанесем, что клад!
Грохотом падает вихрь
Стлен голосопный раб
Брать надо в якорь рук
Курок револьверных псал!

19 октября

Будущее теперь

Не в упорах гаслей морок сети вынул,
Опрокинулся осталенный венок.
Через устьево глаголовещих руны
Под распад русланный Ведь ведет.

Как в низовьях голубой Чуди
Заблестали стружья и мечи, -
Так в заставах за чадилом чудит
Жуткокресый огонек свечи.

И когда за воросли отгонут
Голоса осодбежанных гаслей,
Воронные и гнедые кони
Шелома на величах загасят,

А низовья оротачив чисти,
Подгнетут отгуслые годуры, -
По велогонным на яругах взвысит
Синеуса кормошалый Рюрик.

27 октября

Оджалъе

На плахе сложило головушку
Золотое бессонное солнышко,
Закачалось волною небушко,
Закачалось вольное донышко.

Посмотрели орбитами полыми
Многогранные светом созвездия,
Неумолчное рулое полымя
Наметало зеленые гвоздики.

На бездомных обломанных льдинках
Предвозвестник весенний не высидел,
Как паук на седой паутинке
На земле мое тело повиснуло.

1 ноября

Всегонье листопада

1

На обкресах невелемых воен
Остремижился лягожный скат,
Зноен веломых воин
Напожь бресном ласкал.

Нежь крокотливых громин
Лязгала в вороти дней,
Глаз безголосый обломок
Сонн и в оравах нем.

2

Веют сваи хвойных вин воен
Водит воин засежную лебедь,
У подножный колкий ветер воет,
На веках клоочет весью небо.

Листопад лядит Просинечь раньше
Острие изснеженое вынут
Соболевый тополь изогранен,
Изоранив голубые (*неразб*)
Искатив серебряные лыжи
На подошвах солнечных извилин
Голежежью на вестины нижет
Голубую синечь Грозонкол.

20 октября 1919

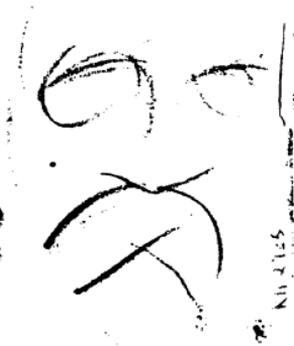
Полевень

По проволоке ласок осени
Ветер бросил скользящий ток.
Цемент крытый холодными росами
По каналам улиц тек.

По кострявым каменным глубинам
Бегал летящий черный год
И хватал из седых низот
Белый гоголь перо голубиное.

.....
.....
.....

сентябрь 20.

Мое!

Родос червонной бури
Ноги над морем простер,
Враг беспощадный будит
Вскинутых крыш костер.

Падает сокол солнца,
Ветер гудки несет.
Буря за бурей гонится
Пенит голова лесов.

Вихрь закружил столетья
Дунул в гудок борьбы,
В сетях раскинул сеть я
Черной земли горбы.

Падает гул за гулом,
Враг передал копье,
Вскинуло желтое дуло
Черное знамя мое!

Мле-
ко
ко

ря вых
 вих
ря стей
 и
 тек
 и
 ни
зи ло
 плох
 лом
 идя

ломал

алый
ц вет

Вет

В веках ведет расковав валов пасти
Тинит нелихим кадиллом
Лом!

2 октября 20

Изолотажеурнаго мой молоточек
Бил я об урны взглядочен.
Оскопурпурно намочены
Рябые, бурные очи.

Июнь 20 г.

На вестинах копен закопанного клада
В озеро мысли бежала тень,
В пропасти осени солнце падало,
Пингвин облак по нему летел.

Ветер холодными вздохами брызгал,
Метал металлом в мятели лета.
Резким объятием небо стиснул
И запер небо в немую клетку.

На желтых кучах глухих рыданий
Сидели птицы и седели.
А в темных стеклах скелета дали
Рыдали лета цветные трели.

В окраинах пляски обезумевшего сердца
Рыли траншею бездольные мысли
А в клеточных песнях воскресших дерсен
Литые льдинки как слезы висли.

Тесенное зелье

Чье это в гареве зелье?
Озелененный не ведал куст
О том что я из ранней вылил
Огустный мук заборов пеустей.

И придавив жгутом двух окон мостовую
Умчался в ад неизвестных клокочей,
И червь залин завыл поднявши выю,
И взонил лезть обглоданных очей.

И вы, и я, и те, которые смотрели в радь неведомого солнца,
Через оконце земли в горечь всполоснули сердце
Что вертится в груди и за полосью гонится.

Но сторониц на строчки облокочен локоть не измерчу вены
Упало зелье в гарево,
Снеслися сном колена.

20 октября 20.

4 (оджалье)

Звякнуло в выси сивым неведьем:

«Эй, вы»!

«На заборах не спи!»

Русло снесло половодье,

Весла обрызгал снег.

Зашевелил глазами в солнце,

Обнажил едымаленые ногти.

Зологубым рясном окончил

Одизин окороченную рокоть.

Велобурый волоочья стиснул

Обтянулись оболочки облак.

На которых стоня повиснул

Моих гуслей серебряный обод.

1 ноября

(из цикла Оджалъе)

Заря закачала ветвями
Зарядились обвалы зимы,
За ряжеными вилось пламя
Заревел буреной камыш.

Игра хоровод окрылила,
Заалела осенняя явь,
И граненые серьги удила
Беловатый пушистый яд.

.....

Упасть ледяной громаде
В толпе челолобой негде,
В оджалом стоглазом чаде,
Сквозит ледяная небыль...

10 ноября

Листопад

Среди кустов где гасли гусли точат,
И грань озер игру отпашень вяжет,
О, лес неведья
водовой овражень,
Где вражий див сквозь небеса пророчит.

И вот взвился плащем в крутое небо
Кровавым псалом стержень стяжной,
За пасть толпы – широкий невод
Червоным маревом обтянут.

И вот пришли
князьки на шапках вили
Узор прибега громового моря.
Ладони сжали огневые вила
И ожерелья громоворят.

И на дома спустился рыжий вечер,
Как бы стрелою пораженный витязь.
И закружил в объятых красный ветер
Угрюмых улиц рокотные рвины.

.....

И рук нездешних мжалые обкрылья
Что лен земли в небытьях обмотали,
Покровы ночи яревом покрыли
В венец метнувши ясное метало.

И бездыханных крестолобых вежах
Завыли желтые ожобленные совы
О том, что Я, баутай нездесовья
На факелах безверия повешен.

15 1920 г.

[A complex, abstract drawing consisting of overlapping black lines, loops, and scribbles. The drawing is heavily layered with handwritten text in French, which is partially obscured and difficult to read. The text appears to be a mix of words and phrases, including:

sons
vous
large
sort
vous
na
de
interruption
ne
plus
son
met
sonno
avec
bleu
pendant
Clair

[The drawing also features several large, stylized letters and symbols, such as a large 'C' on the left, a large 'S' at the top, and a large 'A' on the right, all integrated into the overall scribbled composition.]

ТЕТРАДЬ 8

1920 год

Книга «Ничком»

Осень-зима

Стальных речей переокован меч
На грани капли золотой росы
Моих судьбин обрывается сечь
Оскала глаз алмазные весы

Все разоделто небо в облака
И все красно как заливной пеун
О, разнеси горой Перун
Гнилые вышлые века!

Грустевод

И мчались встарь как вещи побеги
И синева сочилась в изголовье
Орлиных клетков ревучие победы
Дорогу вольнице на тучах уготовили.

На синих каплях
Глаза озер
Надвинулись на облачные брови
Трехгранных сабель долгоострый взор
Запел на синеволное гирево

И день забрызгал солнечными струнами
Моей души надутое ветрило
Снова гремучие на искры из горнила
На кораблях безумия исперугамы.

Но все ль взлетело в хороводе улиц
Хоть мощения земли зеленое огниво
Безоких звезд остывший уголь
На окнах вечера поникнул

Звездное вече

Да
Не увидеть разому
Черных как знамя
Лебедей
Буйному в лето разуму
Знойных раскатов
Не ведовать.

Станьте
На взлетной стае
Нам ли
Увидеть витязей
Вечное, синее стадо
Сердцем на площадь
Вытащим!

Замахать
Колокольным голосом
На всемирное
Звездное вече
На поречах
Млечные полосы
Откатали объятия
вечера!

Побелели как парус лебеди
Не после ли уведали вышлего
Да и мне опять уверовано
В мое верное слово выслово?

!! АЗ:

В радочь тяжелый кочень
В радочь усное кресиво
Я, обожженный реками
В око взгляну веселое
Нами ль кольчугу скрасяли
Солоньи быстрые воины
Я
Обожженный реками
В
око
Взглянул Веселое!
! ! !

Ничком

Поэма

Вступление

Шатры годов накинули плащи
И сами мыслей горечадь извездили
Опять ли мне, баутаго, платить
За миг раскаянья раскованным приветствием?

Колосья вязкие расцветчивают воздух
И все со мной, и я, часы и голуби
И отнесли откиннутые головы
Крылатые развеянные волосы

И все вокруг забилось в лихорадке
Как и мое развеянное сердце
Двух синих глаз отрывистые прядки
И мне ли в ласках разувериться

За рекой ходила девица,
За рекой ходила красная,
А и лесом леший дивится
Домовому в лес хохочется

Узнаванная – я та полымем
Око отчее – овчинное,
За рекою поле - польное,
За рекой гора – Горынычем.

Светом терем рад радешенек,
Светел терем сердце княжное,
Внуки Зарева Стрибожьяго
Полетим в края варяжие.

II

Кораблинные очи – голуби,
Я шагом весло длинношеее,
По реке цепогубый колокол
Разорвал горевое шалево.

Яснокрылые иноки – вороны
На заборах обкрашенных сидючи
«Я и раньше в побоищах вором был
На проталине радомых вятичей.

«А не этого дня ли сегодняю
А не вечером буйным ли в спалисинь
«На краях покрывало приподнято
На краях воробыные свешены

Не уснет ли зеленое пастбище
Под певучей вагудой пастушею,
Ведь огонь и в сердцах не угас еще,
Среди темени слово петушее.

По краям ли то царства трисвятого
Колесом по восходе увидело,
Соезжалось на битву заветну
Соезжалось семнадцать витязей.

III

Воз от вод отвод коней,
Водовод ведет во двор,
Головой в отдолот дверь
Закопал бедняга вор.

Не уйти на полати в избу
Не лучину ль лукавый заткал
Не моя ль у иконы рука
Отгрозила на лето грозу

Аль взошел над зарей Назарей
Перед городом точно пес
Я ли мир, голодой, прудешесь
Небеса окропив возопили

А притти и опять на полать
Исполать же собачий сын,
Все ли век по тебе коротать
Рукава под кафтан занесен

- Так чего, чего, чего же мне,
Замыкать ворота долу
Коли дань у одам дома
В Коледань истянем вожжи.

IV

И заскрипели дни как колесницы
Под синим знаменем усного звездочета
Небес осенние ресницы
Устлали кружево полетов.

Тебя ли видеть густогранный витязь
Ничком на небо и не знать устая
Веселая размашистая стая
Баунных дней объятия обвила

И в этот день когда взошла под целым
Седым туманом всклоченные тучи
По небу серому разостланнные русла
Коромысла раскачивали стужи.

И зазвонили в медные клепала
И новый день был яростен и светел
И голоса забрызганные ветром
Осенние побоища копали. —

Упали

В поле

Песни

В пашни

Нивы

Не вы!

С Невы подул колючевый
С Невы помчались воины,
На солнце нитью лучики
Как ланого у моелы

Сказал: пою, мои они
В вилах сено – дерево!
Из золота ли деланы
На вольные на выгоны.

V

Кому в колено плететься пленнице,
Упав певунных не видит вихрь
Конум веселым в пленнице плюнутся
Опад пеунный навел ковры.

Кому не ведом веселый песенник
В глухое марево повеять гулко, -
К стальному небу стальную лесенку
Повить поникшим переулком.

«От глаз по выси взял взор Солонь
В очах раскрытых двукрылый Игорьь
О, на полях, родные вои
Знаменьем мрака перекрыто
Как серый лист развернутая осень
Как белый лист раскрытая зима
В родную даль стальные брусья бросить
И в новый день как в зеркало взирать

Как ранний звон запели в утро
Как птичий зов взошли колокола,
Взглянуть ли в землю грустеводьем лиц
Ведных чудесен же водный лад.

«От глаз по выси взял взор Солонь
«В очах раскрытых двукрылый Игорьь
«О, на полях, родные вои
«Знаменьем мрака перекрыто

«Не знать иль ведать усобья воен
«Гремучих песен рудные звуки

«На звездах гаснут стальные звоны
«Меня ль завтра грозой разбудят?

«На гладких высях стальное солнце,
И я ли князь прозрачных высей
Стремучий сокол на высях звонче
И я ли сокол небесный весел?

Декабрь 1920 г.

О праздных зим

Серебряное перевясло
На ветр
Оправданных осок
Не весла ль
Солнца
Перевисли
Сквозь отуманенный песок
Как письма рассыпанные осенью
Окно мое
Провитое летами
Когда зимы тоскующею проседью
Над серебром перевелились едки
(зима)

Конец книги

Sent. Hambro
San Marco
Sent. Lozano
Sent. Martinez
de Alcala

ТЕТРАДЬ 9

1920-1921 г

Книга
«Содружество растений»

Зима

(декабрь-январь-февраль)

Двенадцатый

Небо сквозь синее сито просеяно
И мелет ветер новый голос
А вечер выпутаться силиться
И талый снег зимой прополот

Громовой пастбищем высян
В усучились звонкие волны
О, кто за полем вышит
Золотых ожерелий звоны.

Колокольня телами мясится
А ночь дугою радугой
Не толь седая Рагода
Ко дню родному ластиться

Волком Двенадцатый час
На быстрых полозьях всплыл.
Две вороных метины
Плюнули в серую высь.

-----А облако небо вышалино
И ветер веки выгнул
А У за осень выгнал
Седых полозьев выжелево

1920-1921/2

Зима.

(декабрь - январь - февраль)

КНИГА

Содружество
растений.

Причастие

Над облаками раскололся месяц,
Как до краев наполненная чаша,
И мягкие расплавленные рощи
Как молоко, сияя, растеклися.

Сквозь небеса просеянные звезды
Рассыпались по синему озору,
И облекаясь собственным сияньем
От облаков умильно причащались.

А ты вставала в синем сарафане,
Когда проглядывала радостная озимь
И надевала светлые ичиги
Обязанные белыми шнурками.

19 13/1 21

Оле!

С устланных уст шитые ногаты,
Как сечивом выбитая голова
Словодея,
То ли колокол
Жадное тело
То ли полные
Чуткие стегна.

А солнце
глядом
Золотой ложничий
Все разом
Открыл
Печенег любавый,
Бытто ведел
Язык
Зычень
Бытто
Велот
Силы отбавил.

Оле! За дятлом кажит жена
Ворожбою могутный балит,
Водоважною цепью

Упрашивал,
Горгонье ручное море.

Прошел провожатый гатью
Прошенный
белый узник
Обыкновенная деревьев дружба
И такое же трав содружье.

7 января

Не закипел горой табун
И будто лес в росу обут
и выбрал смелую рукой
кольцо упругое веков.

-

-

Вымел мое междометие
Между летом и малой толикой,
и сказал что лесное неведье
осталось таким же дотоле.

19 14/1 21

Крав

Ни явью ив, ни ведомым началам
Не вылить движимое весело,
Глухие волны перевесила
Громов веселая висавица.

И даже дальше изготовила
Берез украшенных прядутчика
Котлы распененные ждуче
Увидят дивовые проводы.

А ветер бегал ночью по воду
И доловую звал русалкою,
И охвативши станом: «сад пою!»
Перетянул витые поводы

19 15/1 21

Земля

Отложен водою отник,
Отгожен бедовый вожень,
В плечо годовая сажень,
Тому ли буран не важен?

И приникая к земле,
И говоря «земля»
Млеко влекучих лодок
В светлую сеть угнал

Выложил слово ладонью,
В укроме увалистый перетень,
И даже не надо поверить
Чтоб высокую высь озадачить.

Куда выслать бездомное русло
Когда нет ни ведра ни ведра.
Когда тучи над верным ростом
Разбредились звенеть ключами.

А пришла она шла Она, Лада
А вспахала ли Лада плугом
Вышел белый глазам услада

Вышел белый, а там и лужа!
Берег притушен дорого,
Берег пропущен врагом,
Выберег берег ворона,
Выбрал высокое
Дерево!

Но ты
Кустами стан степной окутала
И растворила бег украшенный
Не раскололись две орешины
Не раскололись перед путами

И новый бег увидел снова
И закатил пустые веки
и обезглавленные реки
открыли новую основу.

19 18/1 21

Вал! (IV)
(детство)

Встала. Идет
Оттепель.
Г. Петников

1

На пламени узорье вырезал,
И вылетел сквозь дверь пламень,
свежий, высокий и праведный
красное волью выправил.

Жадный и ржавый заржал,
будто чудовище выбежало,
высетил пламя ржаное
в плавые ковкие любени.

Эй, водобежный игрок,
Лесными путали вымой,
Вылечи млечные рвы мои
В сеть золотую укрой.

Севом укрыта поляна,
вылетал плавень в окошко,
выкошен сотый полень
скошен оседлый косарь.

Взвалитесь на седла все вы
Село на распашку село,
Силок понаставили силой,
Махнем на заставе сивой.

Выплел красавице платье,
Выплел плетучее платье,
Выпой невестные плачи,
Вымой небесные плечи.

Чем голубесный уплатит,
плеленный, чинный выченник
вместе с землею вечной
стонет по ветке статной.

Вызрела мохом ветка,
Мохом постель увыстлана,
Росными падай листьями,
Падай весною выстланный.

Осени золотую пшеницу
Золотую пшеницу небовья,
Аль не женится летою жницею
Аль не женится летом более.

Да не видела очи Белица,
Да не ведала очи девичьи,
в волоченной чудище удивиться,
голубая летин рубавица.

Эй, голодой убеженник,
Громом и дном перевязанный,
Вырежь тяжелыми грозами
верное мне убежище!

2

Озари так
Небесный свод
Чтоб не бесы гасили свет
Чтоб среди ветряных побед
Уходил колыванный дед

Осень, о синь осени,
Стадо моих лебяд,

Восемь голов возьми,
В руки останных стад.

Вымоли малый пирог,
Пирог гнедых лошадей,
Бил по ветру влдой лишь один
Поведи же гнедых лошадей.

Зарыдал синереянный Верин
Не хотел в половодье упасть,
Упасить мне до веры вели
Поведи в голубую пасть.

3

И опять простые голуби
Как журчащее веретено,
И опять колыбель и головы
Золотою рукой обтяну.

Не беги, не беги, Светозар
Не беги золотой Белебог,
Он в игранную даль убег
Он убег (в) голубой озор.

Не посланник солнечный выбелил
Горевых Брезозоров дубравы.
А на сети кудрявый выплел
Затугую вестин петаву.

4

Собирались гадать годиной,
Собирались гадать плетуче,
Собирались над Игорем тучи,
Над водой половецкой годиной.

И не горе, не горе князю.
Что гремит золотое стремя,
И что убрано начерно солнце,
И что по полю гонят стрелы.

Не упал золокудрый гончий,
Не упал на копыта княжиин,
Да и не было в ветре даже
Перепутий и гонок звонче.

24 января

Дьв

Опутан серебряным обручем,
Обручь меня с белым облаком,
Обручь меня с белым облаком,
Опричник пришел распрошенный.

Опричник пришел распрошенный.
Раскройся, раскройся скорее,
Раскройся, раскройся скорее,
Глаза золотые скошены.

Глаза золотые скошены,
Снопам глаза перевязаны,
Снопам глаза перевязаны,
Укрой дорогие распашины.

Укрой дорогие распашины,
Возьми же мое поветрие
Усни под моими ветрами,
Усни под моими пашьями.

У ветра, который бы стягивал,
У ветра, который звал бы,
Не ты ли свободным стягом
Разостлана светлою велою.

Разостлана светлою велою,
На голой земле не вспаханной,
По голой земле не вспаханной
Пошли опираясь велоты.

Пошли опираясь велоты,
Пошли на полесье девушке,
Пошли на полесье девушке,
С кумачными все рубахами.

С кумачными все рубахами
Устлали дорогу месяцу
Устлали дорогу месяцу
Пришли на закат раскрашенный.

Пришли на закат раскрашенный,
Украсили окна золотом
Украсили окна золотом,
Повесили в окнах онучи.

Повесили в окнах онучи,
Срубили венец парчовый,
Срубили венец парчовый,
Опутан серебряным обручем

Опутан серебряным обручем,
Обручь меня с белым облаком,
Обручь меня с белым облаком,
Опричник пришел распрошенный.

27 января.

Миль

Без глаз жить Плавная, лавная, ная
Без глаз жить наяо они и Анна с Я.

Увлажить Выбели.

Велажную гибель бураную

Ложени беливожея

Лежанку родная

Ведь ты на

Закате

Плакала

Нарисованные символы

глаза

мои

искала

вышаница

ничья ты

и чья

чья ты

моя или

облака

нету и

не было

ровного

чего бы

Я

не узнал

Сегодня рассыпалось небо
И долу вручило осколки
А я
Волосами как цепким
Неводом
Охватил беспокойные брови

А брови
Как пара рыбок
Тонули
И тонут в море
За берегом луг пройден
И луг как твоя
Улыбка.
Неужели
И ты
Не заметила
Как я
На глазах твоих выплыл
Ты волны коврами выстлала
И новых перстами
Ответила
 А брови взяла за поводы
 И серпом укрыла стожим
Как будто белее нового
Разлитое глаз лукошко

Вершение

Соверши вершанные вершины
Из за озадачи сонце
Годовалых теленей мельшины
Измельчали и сквозь даль просовываются.

Рассказали что ветер добрый
Что висел и сел не под тишла
Вылеснул
Радеенные дебри
И по пояс в половодье стал!

А разве свеянных листьев
Не звонче встаил посох
Сок молодойк – разлитьем
Переняло содружье досок

Небо поили пропивами
Пахать и пахать
Гривенниям
Вылило темное пиво
Кому устоять под
ливнями

.....

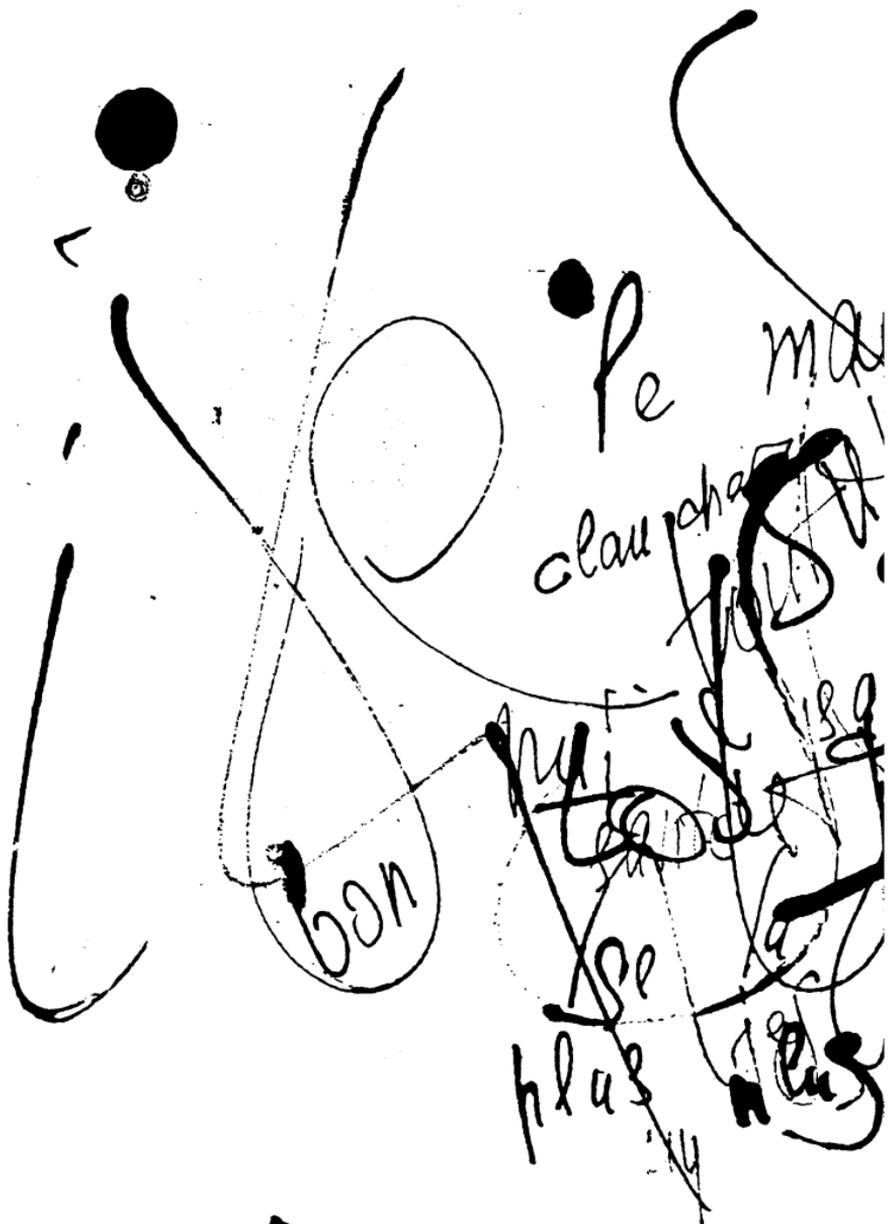
О ивах

Не радуга нароженная тебе
Роздане явное последья
В разбеге пламенной розбей
Разоблаченное посмертье

И неразгаданный верен
Сквозь золотую гущу лисанья
Обдал леса веселым жаром
Для всеобъемлющей поры.

Но над высокою порой
Из высившевогося низовья
Взбрели испуганные зовы
Через испуганный порог

Правь веслами путь
Славь, Славь
ветру
Многовелимному
Ветру
трунами проть
лет лет

pe ma
claupha
WCC
pe
plus
plus

ТЕТРАДЬ 10

Оттепель

И переполненная ветром как рекою
Зеленое продолбленное русло
Весна за ломом дым золотом
Приходит светлая и русая

И дождь всплывая гибкою русалкой
Несет свое забытое потомство —
На ветхие промерзшие просадки
Развернутые выправленным ростом

И благовестом вышедших деревьев
Расшитых по небесным плоскогорьям
Выходит на зеленые поддневы
Раскинутые в светлое поддворье.

Тцель

И стройными вышли рядами
Немея от новой веры
Тебе дорогая отдам я
Уставшие в осень веки
И кинуть не надо в реки
Уснувшую весен миеля
А то и седое млею
Уплетет залитые бреги

дешоват.

Весна

Оле, леле, раскинутая
Оле, леле, раскинутая
За новыми дарами
За новыми дарами

Оле, леле, раскинутая
Пройди свои глубины

Голуби
Голуби
Голуби

В хоровод, хоровод, хороводны
Собирайтесь темным вечером
Собирайтесь темным вечером
Собирайтесь синим вечером

По весне, через темный дол
По весне, через темный дол
Не тебя, ли, весне, угодил
За тобою ль, весна, раздол

Пахарь из новых пахот
По деревьям осенним поутру
И не Солнце – веселый вагот
Повторяется с венцом по воду

А Весна за рекой – Ярославна
Та зегзицею лычет за поле
Золотая – побегги – заповедь
Соловей перевейный

СЛАВА!

О Словутичь в Днепре русой
Руслогонные вей на вои
И не ты ли поволе волен
Проповедывать доволь Русью.

О, Летунья Весна, перевей
Перевейные дни тополей
Перевейные дни опали
Первейные дни до поры

И в полусне просторных рек
Проснулось вышитое русло
А посмотреть и вымер брег
У опрокинутого устья

И город вышел на поля
На долговечное раздолье
И перед ветром распевал
Но не испуганный дотоле

А в небе утренний Стрибог
Переплетая Свет и Ветры
Идет весенний и молодой
На заповедные разведы.

Лесок

Разве ты бережая володка
Протянула свои ресницы
Может вышелной все голодно
Перепевшей земле зеницы
И голот прошивая дои
Перешла на густые руны
Но гонит им просто не стой
Золотой перелитым кубарь
И сашать полевой добычу
Переметя от на всю взнать
Душеладный на веру дорожною
Что в обычное мыто сбыта

Запястье

И не за горами светел
Золотой перебор озимин
Переходы усопшей осени
 И переходы дальнего ветра
 Моя дорогая весна
 Мое золотое цвесно
Подними свои руки – весла
Долгожданная дней невеста
А устанет ли ветер веять
 По уставшей небесной тверди
 Твои золотые платки
 И золотые ответы

Конница Игорю

I отр.

Сквозь немые поля расходится
Сквозь облитые днем поля
Поднебесная тяжелая конница
Золотые снега пыли

И не верится даже Игорю
Позакрытый небной небосилы
Собирает дружины кликами
Перезванивая огнем

О не то ли непрядь уставлен
Половещьи взиван влад
Разлетаются синим злотом
До небесных златых палат

А тебе дорогое ладо
Ярославное сердце днесь
Помыкает по Днепру влагу
Перезвонной волной пронесть

II отр.

Размывая дорогой бреги
Многолетний горий брег
Проходи синевой одетый
В переметной воды серебре

Ненаглядное веко осени
Переспелый распнут чист
И распевшухся в осени сосен
Увядающий ветер блиск

Свеча

Раскинула синие гнезда
В недра немые спрятав
Стольный увитый воздух
Многовелиный ратай

Дом, мой хоромы отчий
Ждет золотого сенца
Там где на узине бьется
Злато – небесное сердце

Где же тебя мне свидеть
Что по краям алеет.
Где ты попутый витязь
Хоть опустил колени

Паперть

Выходила за улицу
Из далекого берега
Дорогая раздумица
Опустевшего древа.

Ветер силами лечит
По деревьям по гладким
По деревьям похаживал
Утконосыми лодками

И далекое облако
Голубое и нежное
Расстиралось как паперть
Семицветие сложена

Расстилала изваяна
Золотыми ключами
О далекие паперти!
Золотыми плечами

И плыла перед облаком
Неземною кормою
Перед высинью облаком
А пред синей иконою

Победная Лада

Из полевых селений
За твоим могучим войском
Шли зеленея ели
И зеленея сосны

И в твоей голубой области
Слетелись на бой птицы
Слетелись на бой птицы
Во всеоружьи голоса

И кивали глазами белыми
Полевые по листьям месяцу
Над моими распевами
Восходя по высокой
Лестнице

Огнь

Сквозь процветшие руки веток
Не увидеть немых небес
Избелевший за осень ветер
Перемял осяной разбег

И зимою распротый весень
Перешел по весне рудая
О кому замешажит песен
О кому угадать гадая.

Перешли через небо птицы
Перешли по лугу и луже
Через лесной кушак перелиться
По долицы не ведай лучше.

Голубому озору верен
Разукрашенный светом плавно
Переплел сквозь немые двери
Безответной небес облавы

И разорванный ветром косарь
Обронил золотое жниво
Обронил золотые косы
На Невы ладовые нивы

И лета небес усилье
Распелось сквозь лета отраду
И пройдя огневья обряды
Золотую косу оброшено

И перевешенный по –сад
И уквыателю бе-
рез
Не угаить своих де- рев
Сквозь золотые пе-
ре рос
Перешагнувши через б-
ровь.

Ось

Перешагнули вымяльные ели
Через вязкую осени хвою
Но вожатые легкие воина
Перешли через ветер поелику
Но вожатые выгнули палки
На полотне светом почки
И не вытерпел ветер пылкий
У широкого зева реки

Лесничество

Где в Березине уставлен луч
Излученный лукавым лесником
К моим отторнутым снегам
Младое боево прилучь

Разголубесенный порыв
Вспахнул высокое окно
О как на воздухе вздохнуть
Не до опаленной поры

Перекатил через поля
Мое родное колесо
Очнули цвелье леса
В седых побегах тополя

И перезревшее зевло
Упругих солнечных лучей
На белом сине получил
Я через взрослое окно.

Конец книги

Кайан

ТЕТРАДЬ 11

Рог Гор

О глубине

О глубине пахучих рощ
Был долог день и пыли рощи
Когда на тучи падал дождь
Небес неизъяснимый росчерк
Но беспросветный был удар
Когда упал последний дар
Когда водой размытый ков
Рыл песен плавленный окоп

Утро

Снимает день золотую упряжь
С переживающих лесов
И в небо солнце тычет утром
Как в дверь пылающий засов
Твоя земля как черный снег
Твоя земля струя из золота
Что в этом платье нигде
Не навела себе отплаты
Так в полевой во луге плен
Перелипевший стержень лета
То снова яростно кипела
Как ветвь остывшая комета

Русь

Иль не могучий сокол
Русь моя в этом небе
Бьется как сердце около
Этой груди в неводе

Это плакатом серым
Город к земле приклеен
Это несется север
По небесным коленям

А город бил побелевшими веками
По разбитому стягом небу
Но поднять поседевший невод
С поднебесий цветущих некому

Златоструй

Очь моя!

То не первая удаля

Ник. Асеев

Златоструй перевала
Грустеводное озеро
Наповал, уповало
Поводырю да в озими!

Мне не надо не брать тебя
Ни симеть тебя изново
Что б помину отпразновать
Принодонными тризнами!

Я последнею ладогой
Неизбывчивой сладости
Отбываю по вечеру
Голубое пропевчество!

Ворон

В черном гнезде ворон
Бился плашмя с утром
Ветер казался вором
Влезшим в окно утлое

Что же теперь не спорится
Пруг и слепая упряжь
Может быть ворон молится
Вместе с идущим утром

Но понеслася буря
Беглой рекой к острову
Точноходил нахмурясь
Ветер с своими сестрами.

И посиневший ворон
Бровь золотого дерева
Мчался в хорею покорно
Версты ветвей отмеривая

Из поэмы

Битва

I

И белый топот шел на стогна
В беде и дне который беден
Когда валил струю дорог на
Закаты выгнутые медью

То в блеске бега кучел гнезда
Весенний град и гром ускорясь
Но не качнет о конский роздых
Блестеть копытом в рожь и город.

Так помывая «мыт» от «МОЮ»
Заговорит вселенский рынок
И так за мытом светлый воин
Снесет небес глухой суглинок

Эй гром, рог дну
Дай
 днесь
 семь
 дней
Мне
 несь
 лет
 снасть
Вам
 быть
 весть
 нас
бей, гром
дней грот
Толк
МОЛНЬ!
Был
ДНЕСЬ!
 Дажь боже
 Дай божь
Стать мгле
 рек
 десять

Пал
 дом
пыл
 дым
есть
 лет
месть
 через
Гонг гни огонь
 ВОЙ
Тысяч конь
В дым шелесть

Рев В гонь
Древ хлев
Древнь пей
Ствол бой
 Ой!
Пешь!
 Стень
 Тень
Я — дебрь — дщерь
 гинь!!!

Метая свежий мед в снега
Где дерн весеннее и сучья
Благословенного луга
Руси славянское прилучье

Где нег и гнета прядных зим
Ушел высокий перелесок
Где грозным пламенем грозил
Молил и млеял о земле сон

Там ты. Седым повеяв мглами
Расправив беглые ладони
По синей пажити стремглав
Летишь на радостные звоны.

И неумолчному ручью
С рукой и речью в равной мере
Следишь на ветре чешую
Листов спадающих с деревьев.

И рвами свадеб и судеб
Уж не пройти на пастби битвы
Им — уготованная дебрь
Выводит шлющему молитву

Так синит роем из громад
Грома неся по пестрым улицам
Переминаясь и гремя
Громами дышущая тулица

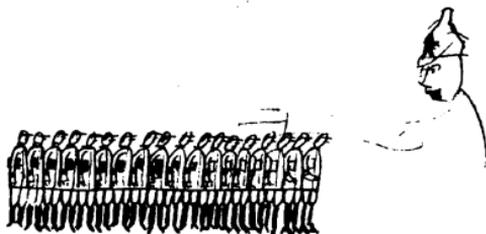
На дуло ружное подъяв
И колчанов вздымая брови
Несется червен с жарким ревом
Свивая стонущую явь

Когда в снегах и рощах рыская
Взвивая ветру труб и слово
Сказал себе и дню: порви сиял
Незаменимую основу

Не наливаясь зрелым гноем
Весны раскинулись деревья
То в яркой пламенной обнове
Прошли дремучие кочевья

И я повем татарским ордам
Славян обрусый выйму шлем
Над запылающим кордом
И гогом вышедшим на смерть

Ветер

Рощами сбитый на смерть
Вьется и будет помнить
Как небо горячий паперть
Вскинет над белым домом

Крышам не весть как весело
Мокнуть и млеть под небой

Дереву как наезднице
Бросить горящий гребен

.....
.....
.....
.....

Ты не заметишь издали
Лицо мое в желтых пятнах
Буду ходить в пристань
Имя мое отмачивать

В ветряной полетуге веток
Разметался и ник синеве
Пробежавший в глухой листве ток
От цветущих небесных век

Было днем полевое паство
Шли и видели вои снег
Твоих кос и грудей государство
Гостью дев из вестимых юг

Где шатер раскидала синевый
На зимовья чудес и див
Что в своем пробежавшем гнев
Разметала кочевья ив

Но стекая на земь синевою
От бровей до лишь синего омута
Пораженные ринут вои
И прибережный строй изломан

Ключем по расстилани чуда
Озера вышли в засверкавшем вечере
На очесо зеленой лесни
Упала пелена кочевья
 Оле, новоеград усадеб
 На свадьбу кленов
 Ладонь весны зовет по росной пажити
 Но преисполнен чадом радости
 Упавший в полыханье полдень
Но быстро стали
И утро разводили
Плывущих к ведным плавам таен
 Разбудит
Светлый
 бег окоliny
Скрестившихся
На первой лодке.

Святому морю перевал
Не станет лодкой в беге вала
Когда пройдет ладонь и лодка
Несказанный
О, Лед, тоской
Когда
Путем
По росным путам
Путаны двор
Картины улиц
Тени в прохладный тихолет
Изнемогающих молочий

И рек
Созвучен
Учить тениву
Как обращаться
С птичьим лелом
Могла
протала
И прогалин
Повременить
созвездьем речи.

У тел до тла расторгнутый
Где под над дремой дуба
Пойдет делиться поступью
С убийцею раструба

Проталинам
темнейший скор
не разгадать
в тайге разящий
Когда разладом бил в упор
Рядно и колет весенних чудоб
И ты прядешь лесиной так
По ската след могутного прибоа
И ты как брег у ставня токарь
Ведешь под вечево боязнь
И снег сведет за боя берег
Ресничему улетных прочий
Как северного ветра бегство
К устям побелевшей крони

По белой просини земля
Скрестила ловкие ладони
И ловли полевой огня
Пришла простертой к выси долото

Продленный и нетленный лон
Из века в век
Из дела
В даль
И дол
 но дал
седейшим кленам
 тлен
Зеленых тул литую свежесть.

И вновь за венном ровных нив
Священно-древняя прохлада
И пяди голубого сада
Ведет развесистый пролив.

У харлужного крыльца
О девице и диве
Плывает белый сад
Певущаго окна

Когда зеленый ряд
Зеленого разлива
Твой незбывный лад
Прольет у веретна

Когда под злую тунь
Снимаешь дней увясло
Я буду — ясный лунь
Продать по летким веслам.

Величию твоему.

У вод весеннего посева
У весны снеговидный дол;
О (об) лебединое крыло
Ударился последний светел.

Но эти
Росные уста-вет-
рила корабельных плавней,
Смотри
и вот
на дно
уоставлен
У радуги
кленовый плавень

И —
древа
верное обличье
И ты
размолвие
лета
тел
У полового
оплечного
раздела.

Con interesse

Lettere

Storia

Conte

Lettere

Lettere

Lettere

Lettere

ТЕТРАДЬ 13

Ярое

Такие выгоды погоды
и не узнал еще Присенний,
сквозь отуманенный простенок
Пришли отринутые годы.

Полесье по лестницам ресниц
полесье на цыпочках по лестнице
светил веселая палистнице
светила в горести весничаго.

Горожанин горы гонит,
Эй, гони коней, конюший
Горем горести весничий
независимых годов.

Топорами порет ропот,
Топорами золот ляжет
Серебром ребровой пряжкой
Выйдут вспененные ложа.

Ведма

Не укрыться косматой ведме
В жаровом червоном лесу,
Нам дороги лесные ведомы,
Нам ведом червонный суд.

Ты уселась верхом на крыше,
Распустивши промокшие волосы,
И метлою неслася выше
Над посадскою вольною волостью.

Кто рассыпал по долу червонцы,
Кто распутался ясной поляной,
Уходи, уходи Беяна,
Разомкни на хоромех оконце.

Разгадай круговую пляску,
Разгадай громовое пламя,
Небеса растворились настезь
Голубому весеннему плену.

Разойдись, разойдись, богатая,
Разойдись, богатая дивами,

В голубую светлицу веди меня,
Домовыми руками укатая.

Перешли печенегι любавые
Перешли реку многоводную,
В золоте свет разбавили,
В радости радные говоры.

Не укрыться косматой ведме
В жаровом червоном лесу,
Нам дороги лесные ведомы
Сквозь веселую дней росу.

Январь 27 1920/1 г

Ы!

На копье возросла цветочица,
На копье возросла небесна,
На копье возросла бездожица,
На копье возросла сосна!

3 января

ТЕТРАДЬ 14

Песнь V

Сквозь ключевое око жаловня
Пролили море ключи ручьев,
Где поселилось долу жалоба
И необрадный почет.

«Где укрыватель берез?»
Говорит столетний ветер
Потому что поля уберег
От тяжелых седин довитоль
А единственный в стаях побег
Разомкнул как врата голубесну
Моих туч велемудрый ровесник
В берегах всеединый пробел.

И не зная рядных летав
Перейди сквозь ручаный увлак
Через ветхие ветки став
Через ясный выловый лад

ТЕТРАДЬ 17

Вор

Когда побегом белых век
Висел над улицею двор —
По рельсам сброшенных бровей
Перебежал сквозь город вор.

И у заветного крыльца,
За перебегом красных окон
Он перекатным ветром стал
И падал в выбитые окна.

Бежала улица, дома
Вдоль загремевшей мостовой,
Вот тишина. И вот фонарь.
И белый дом. Поникший двор.

И окна плавилась огнем,
Когда хрипел и пел затвор,
Когда преследуемый днем
Перебежал сквозь город вор.

Что ходила ведрами
К оробевшей проруби
Стань повейся полымем
 На утлое утро.
Где уважишь кованным
Стремени, но по воду
Бегут ближают комьни
 Спроваживать хутор.
А утварью тою ли
Светлицу изукрасили
Не те не те воины
 Гадали гадали.
А там веешь грозами
По выщербленной прасини
Опаешь небо грозами
 Подале по дали

Лебедь

... В зеленой поваде
не водится лебедь
Что бегом и брагой
По ветру повит.

... Не лету наместо
Не лету златое
Срываються листья
С поникших берез.

... То белые мрежи
Раскинула осень
На белую вежу
С зеленой ольхи.

... И падает лебедь
С немого потула
В раскинутый Неман
И спящую Тунь.

Кремль

I.

Стань на белую поляну
(Повели-ка, повели!) —
Как на небе на русаном
Помавают журавли.

Походи, ходи по веже.
(То не вражий перебой —
Кычет голосом медвежьим
По быстрине, водовой!)

Посиди, сиди крылечком
(Что у чортова крыльца),
Водит бровью. Ай, Милечка!
Млечный пояс навязать!

Ты ягою по дорожке
Коромысло повезла,
Побеги на курьих ножках
(Древенчатая) изба!

Песнь VI

Где владуга распела день
К моим раскинутым глазам
В лету светая перейди
Через обвеянный разлад.

И в необещаном светя
Как через сон веретено
Руками я перетяну
Свое высокое окно.

И вставшие в оданный час
Увидят новые метины:
Как через море возвратили
Весну уснувшие поля.

ТЕТРАДЬ 16

Рати — бор

(отрывок)

I

У этой дали нету дани
Чтоб распечалиться с синим стягом
Он видит войны и ватаги
Идут тайгу пленяя в тайну

Так загорелся темный бор
Так понеслася бурей степь
И обносил глухой забор
Свою горющую топь

И в стремя, белое, огонь!
Вступил бледнея белый конь
И было белое седло
Когда влетело днем огню
В перевивающийся лоб.

И в поединке два меча
Лежало на траве синея

II

И в берегах водили птицы
И обнимали взглядом море
То был на поле хмурым лицам
Угрюмый вечер перекован

Твоим глазам, о Ратиборичь
Что пройден путь врагам на горечь
Могучим прахом и ветрами
Гудят зеленые луга

И было в золоченных сваях
Где золото веретеном увито
Был полый дождь в веках пропален
И было пламенное мыто,

И бунчуки мелькавших конниц
И первый звон мечей и боя.
Прошел под знаменем разбоя
Сквозь бег скрестившихся околиц.

Двин бейся беглой ратью
Через речной проблеск
Взял в рукавицу братезь
Очерна звездную пропись.

Вышли из полыби реки
Выбелен в поле десна
Знать что веют и велот
Быть подобает десной

Знать бы что Игорю часе
Ждет от врагов полоодья
Ланицем белых насекомых
Знаком копыт подкован
Так из окон на воды
Волода выгнув ружья
Путая седые годы
Топятся в белой ржи

Заиграй, играй, попой-ка!
(Гуслиам ярым заберусь.)
Ходит чортова попойка
На старушечьем дворе.

II

Об осеняющей крови так
Никто не думал, не понес
Серебряный по небу свиток
Начертанные буквы звезд.
И я один. И мне дано
По дебрям, к зарослям стремясь
Сорвать мятущуюся овидь
И убегающую Я С Ъ.

ЛАДОГ

НЕ ТАМ ЗАПАЛИ ОБЛАСТИ
В ЗЕЛЕНУЮ МЕТУ,
ГДЕ ТЫ ЗЛАТЫЕ ДОБЛЕСТИ
ОТВАЖИВАЕШЬ ТУЛ.

ГДЕ ТЫ ВЗЛЕТАЕШЬ СТРЕЛАМИ
НА ВРАЖЕСКИЙ ПОЛОН,
СВОЕ ИЗВЕКА ВЕЛЫМЯ
ПОШЛЕШЬ НА ПЛЕННЫЙ ДОН.

И ЧЕМ КНЯЗЕВЫ ПОЧЕСТИ
ТЕБЕ НЕ ПО ПЛЕЧУ –
ПЕРУНОВЫМ УРОЧИЩЕМ
РАСХАЖИВАЕТ ЧУР.

И ДАЖДЬ И ДАЙ МНЕ ПОЛЫМЯ
СТРИБОЖЬЕГО ЩИТА
ЧТО ТЫ ИДЕШЬ ЗА ДОЛАМИ
В РЕЗНЫЕ ВОРОТА.

тобой ли ведо гадано
Пора у пустырей
Попахивает ладаном
Подробный лесовей.

Охаживал по веку ли
Микула Селянинович
Такою же потехою
За уходящим сном.

А кинулася с визгом рать
На ратную пробоину
Раздвинулася изгородь
Разомкнутых небес

А ты бровями мокрыми
В последоку поведешь
Что б голубыми ведрами
Просачивался дождь.

Гремять

Ты молнией и громом
не послан и не слан —
на белометный промах
поющего весла!

Послом весенних войск,
не тучами-ордою,
в небесные покои
идет путями вождь.

Могучих вожделений
тебе не превозмочь, —
на верные колени
ложимое резьмо...

Что там на белой логве
гудящий небосклон
последнею стрелою
насмерть поражен.

И вот смотри над рощей,
Над лесом терема!
серебряною ложкой
протянута луна!

Что там ни гром ни гремень
на бой не посягал —
воинственное гремя
ложилось на луга.

И видишь с бранным гулом
Где золотой посад —
ложится злое дуло
на дебри и леса.

Звезда

Расхаживая и мыча,
Глядишь, как с золотого гая,
Срываясь с острого меча
Звезда горит, изнемогая.

Зачем дано тебе хрипеть
И петь, и плыть поющей липой?
Залегший утром в колыбель
Шагай в гудящую обитель.

Но серпом падающий ряв
Грозит на волчьем придорожьи,
Ведь ты серебряные вожжи
Дню молодому подавал!

И ты стоящий на посту,
Видишь, как с пламенного гая
На падающую звезду
Тяжелый Серпень упадает.

Кнес

Вознеси

КНЪСЪ

дождь

Онеси

КНЯЗЬ

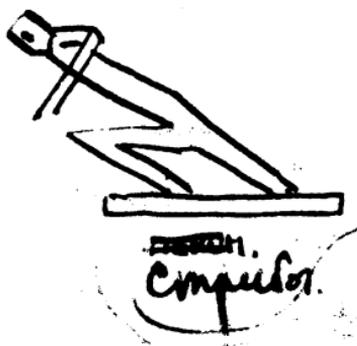
вождь

не смыкай не смыкай въждь

Силу нам

СМЕРТЬ

даждь!

Будетляне

На север, на север, на север,
Походкою древней идем.
Какие застынут посевы,
Какой замечается гром?

Гудят заливаются волны
Над ворсклыми пнями у ник
А там от гугивой Волги
Горят завывают огни.

По осени воплой и волглой,
Над рваными веями твиг,
Долбят туговые оглобли
Седую порожнюю высь.

Которой задетой поляной
Сгибают колени холмы,
А я радогой будетлянин
Сбираю пропевческий мыт!

С клюкою, на север, на север мы
Бредем побираем поля,
По млечным дорогам нас семеро
Великих слепых будетлян.

О КНЯЗЕ

ВИХРЯМ НА БЕЛЫЕ ГРУДИ
ЛЕЛЬ ИЗ ЛЕЛЕМОЙ ЛОВЛИ
ДОЛГИМИ, ДОЛГИМИ ПРУТЬЯМИ
ГРОЗНУЮ ВЫБИЛ ГОЛОВУ.

ЛЕСОМ, ГЛУХОЙ ПОЛШЕЙ
КРЫЛЬЯ ПОВЕЙ, ПОВЕВАЯ...
ГДЕ ЗАБЛУДИЛАСЬ ЛЕШИЙ
КНЯЗЯ ГЛАВА УДАЛАЯ?

В ТОТ ЛИ ВЫСОКИЙ ТЕРЕМ
ЗАВЫЧЕН КНЯЖЕ ЗАПЕРТ
НЕТ НЕ ХОДИТЬ ЗА ЗВЕРЕМ
К ЛЕСУ НА ЗЫБКИЙ ЗАПАД

АХ ДА И ПЛАКАТЬ ЛАДО
УТРОМ ЗА БЕЛЫМ ТЫНОМ
ЕСЛИ В МЕДВЕЖЬИХ ЛАПАХ
КНЯЖИЕ КОСТИ СТЫНУТ

Benjamin
Sent, Kollitz
Plus de 'ame
le tre 'aillon'

ТЕТРАДЬ 20

Певчий Игорь

От великих от ратных игор
Стаей птичьей вилась тропа
Плыл по ветру песенный Игорь
В паводь госыми Игорь пел

Песень таких не певали птицы
Иром широких не ветру знать
Тройк золотой кому надивиться
Шла тропую певчая рать

На землю черную лечь новыми
Золотом раненным струящихся.....
А песней молитвенной были
Твой стан зеленый опояст

И вот к ручью идешь убегая
Птичий посвист ручьями отсчет
Когда под праздник поет у гая
Игорь пляшет у синих вод.

2/IV- 22

ТЕТРАДЬ 21

посвящаю
Ж. К.....ер,
Семен Кирсанов

с т и х и

1922

Вор

Замком ворота заморозят.
Те заговоры что ключами
Запор вскрывали мятеща
И те что ржавчиной рычали

Замороженный будет коль
Игрой подброшенный в порошок
В «Кота Слепого» за платком
На лоб повязанной дорожки

Катясь лаптою в чехарду
Все так же легок (не до звезд ли)
В болтах полощется колдун
Сядясь на облачные козлы.

А за замком – глазам в ущерб
Уже высок уже приемля
Качнется Вербное в висок
Широкой величию по землям
Ты от ударов в холоду-ль
И прячется за щеколду ли?
А ты колдуй колдуй колдуй
В болты вдувая в щели дуя

Устройство темное замка
Мы превратим в орудье пытки.
И станет молнией рука
И громом отлетит калитка
На обороте след страницы
Вам и не верится – гремя затвор
И в (неразборчиво)
Завороженным будет вор
И будет двор замороженный.

В бой оробелых буден
Ударил обрадуй
бубен

И бурной срывайся брагой
В стакан что на пне на срубе ль
Бугром что белея и бодрять
На убыль на убыль, на убыль
Скатывается враг в ...нрзб.....

И ты в крушенье готовален
Наветом
Тучею в подвале свален
Дрожащий макет за макетом

И позже следя за глазами

Поезд

Пустой ... и стоп
и поезд в бегу, а за
вокзалом топ
из копыт «том-м-м» вокзал
и далее, див! (видишь, берегу)
Гулкий (сирена) реющий топот
Попутал

и тол... за лото
что ссыпают
пой!
пою.
потом юный горбиться брег
а бег—
что поезд!
За домом молодой
Дой! дой... идем на горб
рек.
А за ладом, за долом де молодой лоб
Ловкий плетней, трясется горб.

*Весна 1922 г.
ст. Одесса-Главная*

Утро (на «аится»)

На перекошенных лицах
тяжелый томится зной,
а день, что померк и высох
протягивается струной,
протягивается, и за полдень
зыбкий дрожит смычок.
А вечер и нем и холоден
хватается за плечо.
Хватается, и страшную болью
скрипка ползет по плечу
и солнцем на запад наколот
качается огненный чуб...
Где ветер умолкнул скитаясь
там вихрь в дуду засвистел,
и утро скосясь, как китаец
смотрело в певучую щель,
там: луч перекошен и узок
и струями – тонкою лесой
опутали дивные узы
тебя поселенец косой.

Июль 22

Богине Ех.

(под Парни)

Твой новый дар великолепен
Но я оставил (стыд и страх!)
Превосходительные цепи
На пустых сиих берегах.

Мне не смешно и не забавно
Смотреть в лесную колыбель;
Когда скучающие фавны
Стругают новую свирель,

Но я свирелью не намерен
Твои красоты воспевать,
Чтобы в прибежище Венеры
Младых прелестниц созерцать

И я уже изнемогаю
И невнимательно гляжу
Как воздух криком оглашая,
(через позлащенную межу)
Повеселевшие перуны
Дразнят шумящие листы
Чтоб погрузить в золотые струны
Свои чудесные персты.

Август 22

По вздохи леса, горящее
Дно в пологих затекло
А холм, что на брюхе ящера
Ползет в кочевое дупло,
Не травы там – волна помешана
(хвостатый чертополох)
где черные слиплись орешины
Как черти помятые в лог.
А любо что холм (точно, колокол!)
По шляхам замшелым шагал!
Срывается с черному сполуху
Подбитая ветром туга,
На холме и в сумрове холма.
(глубины его что могила)
И бесами белыми полными
Дуплом, залюбуется вила!

Ай, волосы в сладкую мережь
Как в млеко закинуть тугое
И млеко глубокое мерить
На мрежи свисающей хвои.

*20VIII/22.
Черный Холм*

Мыто

Почто мне в белые руки
Ты мыто несла и вышла?
Зеркала збруя на слуге
Цвело золотое дышло
Почто на коне тяжелом,
И легком в бегу, примчалась
Аль долго билась окольным
И сердцехватила жалость?

Такое ли милому мыто?
Отдай его, мыто, другому.
Чтоб жаркие пели копыта
Везли до девичья дому!

22- XIII-22

Бакхическая песнь воинов

(из оперы «Войана»)

Лебедь в военном, в юном цвету
Щит и перья – стрелы в тул,
Гулкой гулкой, великой волной
Лебежьи, Лебежьи, белокрылый...— Пой!

Певец:

«От войска гуд, от войска вой –

Все хором:

Голк!

«А полководец выходит, лебедь –

Все:

Волк.

«И в лог и в гол, и в голый полог

«Лапой рвет. Трубит в рог.

«Стоит палатка – купол, в полку

«Лопух как зеленый в цвету на лугу

«Не лгу

«Сам видел

«А лебедь черен

«Рояна/Родана гуляет в пору, терем!

Все: Эвоз, эвоз, певец взывает (все:) Пан, Пан

И там, там, Эвоз, Эван,
Певец: Новый пляши, вином обоян
Заморский танец
Эвоз, Эван,
Все: Эвоз, Эван,

Август 22

Комментарий издателей

*Из письма Кирсанова
Григорию Давидовичу*

Мы открываем театр в Красн. Факеле, и первые постановки будут: «Веселая смерть» Евреинова, «Ошибка смерти» Хлебникова (он умер), «Стенька Разин Гершуненко», опера «Войана» Кирсанова и др. Я написал оперу с музыкой. Основанную на словосозвучиях, ритме, шумах, звонах etc., поэму «Дискобол», поэму «Вер(неразб)», и еще две поэмы.

1923 г., фонд ОЛМ

Кублатый

Как сынове сонный
По лугу гулял —
Лягали в полоны
Крутые поля
Лягали за ветхой
Оградой, и мне
Глянуть за ветку —
Рушится инея.
За птичью стаю
С литого дождя
Ни млеку, ни таю
Похода не ждать...
А дождь на походе...

Взлетаючи в тул
На глаз половодье
Лебедь нырнул...

Как сынове сонный
По лугу гулял —
Лягали в полоны
Крутые поля.

24/VIII/22.

Осень.

Ты здесь, налетающий Руень
Но где бы ты ни был, все резче
Ложатся багряные струи
И осень становится вещей.

А ты в золотом волхованьи
Червонные карты сполола
И вот отряхаешь руками
Зеленое пламя с подола!

Август 22.

Ж.К.

Все быстрее, и быстрее
К небесам, взлетая, фея
Ножку дивную казала
Светлокурая Психея

И с незримого хорала
На золотое покрывало
Нежнотонкая Лилея
Воздыхая, упала.

20/ IX. 22.

Одохновение

На это стертое крыльцо
Нога какая ни ступала
Чужое птичье лицо
В ночи упрямо возникало,

Оно ступило за порог
От холода деревянея
А соловьиное перо
Колеблемо, скользит и реет

Но в заржавевшую петлю
Лицо клонилося и чаще
Скрипел затвор, а острый клюв
Проклевывает лист дрожащий

Но если с стонущих петель
Сорвутся каменные крылья
Быстрее корабль пролетел
И стала комната — ветрило

И лишь холодные листы
Покрылись легкими следами
Крылатая забилась память
Как птица сонная — в кусты.

Сентябрь 29

Скарабей

У клеща золотой хохолок,
Два крыла и блестящий трезубец.
Он весну за полу поволок
Снеговыми бровями насупясь...

И следя журавлиный полет
И крылами бессильными рея,
Он увидел: на теплый помет
Золотые ползли скарабей.

Но по осени зябко скользя
Полумертвые вытянув клешни
Он узнал: если ползать нельзя
Но наверно лететь – невозможно

21-IX-22

Оглавление

<i>Е. Голубовский поэзия до Поэзии</i>	4
<i>Тетрадь 1</i>	15
<i>Тетрадь 2</i>	27
<i>Тетрадь 4</i>	29
<i>Тетрадь 5</i>	31
<i>Тетрадь 6</i>	37
<i>Тетрадь 7</i>	45
<i>Тетрадь 8</i>	61
<i>Тетрадь 9</i>	75
<i>Тетрадь 10</i>	97
<i>Тетрадь 11</i>	113
<i>Тетрадь 13</i>	133
<i>Тетрадь 14</i>	136
<i>Тетрадь 16</i>	138
<i>Тетрадь 17</i>	141
<i>Тетрадь 20</i>	155
<i>Тетрадь 21</i>	156

Литературно-художественное издание

Кирсанов Семен Исаакович

КИРСАНОВ ДО КИРСАНОВА

Составители Алена Яворская и Евгений Голубовский

Верстка Анна Голубовская

Иллюстрации Светлана Юсим

Artbook

Тираж 100 экземпляров

Всемирный клуб одесситов
Одесский литературный музей

Издательство «Зодиак»

Свидетельство ДК № 2135 от 25.03.2005

Ул.Ланжероновская,24а, Одесса, 65026, Украина, т. 7194748.